

После официального визита к господину Мэй Ян Чанцин направился к месту, где стоял гроб. Успев бросить несколько взглядов на покойного до того, как слуги закрыли крышку, он собственноручно завершил этот обряд, после чего с тяжелым сердцем вернулся в свою комнату.

Он не взял с собой почти ничего, когда приходил к Мэй И. Все эти месяцы, проведенные в доме, он лишь вспоминал о ней, глядя на окружающие вещи, и ничего не приобретал для себя. Собрав несколько смен одежды и кое-как упаковав их, он понял, что это всё его имущество.

Рядом с узелком лежала картина, только что снятая со стены. На ней была изображена улыбающаяся девушка — сама Мэй И.

Это был предмет, в который она вселилась.

Ян Чанцин с легкой улыбкой провел пальцем по лицу нарисованной девушки, аккуратно свернул свиток и спрятал его за пазуху, ближе к сердцу.

В этот момент за дверью раздался умеренный стук, и тонкий голос служанки донесся сквозь дерево:

— Молодой господин, хозяин велел мне передать вам еду.

Впервые услышав подобное обращение, Ян Чанцин на мгновение застыл, понимая, что господин Мэй наконец принял его. Камень свалился с его сердца.

Он уже собирался открыть дверь, как вдруг услышал странное хихиканье. Служанка, видимо, увидела что-то ужасное, ибо издала пронзительный крик. Еда с грохотом упала на пол, а её худенькое тело с силой ударилось о дверь.

Ян Чанцин, вернувшись, машинально задвинул засов, поэтому дверь не поддавалась. На ней неподвижно лежала черная тень.

— Что... что случилось? — дрожащим голосом спросил он, но ответа не последовало.

— Девушка! Вы ещё...

Хихиканье продолжилось.

Тень служанки на двери наконец отреагировала, когда Ян Чанцин уже собирался повторить вопрос. Её голова, сидящая на тонкой шее, сначала резко наклонилась к левому плечу, издав хруст костей, затем медленно поднялась и наклонилась к правому. Повторив это движение несколько раз, она издавала ужасающие звуки.

Это были движения, которые живой человек не смог бы совершить.

Звук ногтей, царапающих дверь, был пронзительным. Бумага, закрывавшая проём, порвалась, и сквозь резные отверстия можно было разглядеть белые глаза без зрачков. Две кровавые полосы текли из глазниц, заливая половину лица.

Сила «служанки» внезапно возросла. Несколько резких движений — и старая дверь вместе с петлями была сорвана и отброшена в сторону. Глаза без зрачков пристально смотрели на Ян Чанцина, а открытый рот обнажал острые зубы, словно она собиралась его растерзать.

Ян Чанцин вскрикнул, схватил только что собранный узелок и швырнул его в монстра,

воспользовавшись моментом, чтобы выбежать из комнаты, громко призывая на помощь.

Монстр сзади реагировал мгновенно и двигался с невероятной скоростью. В мгновение ока он догнал Ян Чанцина, схватил его за плечо и с силой ударил в грудь. Однако вместо того, чтобы вырвать сердце, он схватил свиток, спрятанный за пазухой, и вырвал его вместе с одеждой.

— Мэй И! — Ян Чанцин вцепился в другой конец свитка. В пылу момента он помимо всего забыл, что отбирает у него картину уже не живой человек. Сила противника была столь велика, что даже он, взрослый мужчина, оказался в невыгодном положении.

— Дьявольское отродье!

Громкий оклик раздался, когда монах У Нянь с ворованной с двора палкой для сушки белья возник у входа в заброшенный двор. Вторая фигура упала сверху, метнув три белые стрелы.

Или, точнее, нефритовые лезвия, ставшие основой веера.

«Служанка» издала низкий звериный рык, одной рукой держась за свиток, а другой схватив Ян Чанцина за спину. Черные длинные ногти были острыми, и тонкая ткань его одежды была разорвана, оставляя пять кровавых полос на спине.

Ян Чанцин вскрикнул от боли, его тело отбросило в сторону, но он всё ещё крепко держал свиток Мэй И.

С громким звуком рвущейся ткани свиток был разорван пополам. Слабый белый дым вырвался изнутри и бросился к Ян Чанцину, заслоняя его от нападающего.

Удар также не достиг призрака барышни Мэй. Ноги У Няня, словно натянутая тетива, мгновенно доставили его к месту действия. Палка для сушки белья вытянулась вперед, остановив ходячего мертвеца.

Сильный удар в грудь, затем подброс, и она отлетела на несколько шагов назад.

Сы Хуай подошел к У Няню, легким движением пальцев вернул себе ранее брошенные лезвия.

С изяществом вставив их обратно, он раскрыл веер, слегка помахал им и мягко произнес:

— Эта женщина-призрак напала на меня, пока я спал, но я ранил её. Видимо, ей не хватает сил, поэтому она вселилась в живого человека.

У Нянь взглянул на него, тихо произнес «Амитофо» и крепче сжал палку для сушки белья:

— Она снова и снова творит зло, больше нельзя её отпускать.

— Согласен, — Сы Хуай вежливо отступил на шаг, давая ему пространство для действий, и помог Ян Чанцину встать, отведя его к стене, где тот не будет мешать.

Одну вещь он не сказал У Няню: если бы дважды его не прерывали эти монахи, он бы ещё в храме Чэнхуана превратил это нечистое создание в источник для своей практики.

Говорят, что буддизм пришел в упадок после инцидента с наставником Шэнчань триста лет назад. В наши дни быть монахом — значит жить в нищете, но откуда у У Няня такие способности? Он с легкостью рисует символы, создает заклинания и даже дерется как настоящий мастер.

Сы Хуай подумал: «Неужели умения прошлой жизни переродились вместе с ним?»

Палка для сушки белья в руках У Няня, как и в прошлый раз метла, превратилась в посох архата, вращаясь с такой скоростью, что появились тени. Большинство ударов попадали в цель.

Хотя эта женщина-призрак обладала некоторой силой, она, то ли из-за неуклюжести в новом теле, то ли из-за ран, нанесенных Сы Хуаем, явно проигрывала в схватке с У Нянем.

Однако эта женщина-призрак могла творить зло в Сливовом саду, и даже многие практикующие не могли с ней справиться. Помимо того, что эти практикующие были никчемными, нельзя отрицать, что она была умнее обычных призраков. Видя, что ситуация складывается не в её пользу, она тут же сменила цель и снова бросилась на Ян Чанцина, который казался более легкой добычей.

Она хотела заполучить этот свиток!

Сы Хуай слегка нахмурился, его взгляд упал на половинку свитка, которую она крепко держала. Он не мог понять, почему призрак, который уже давно умер, так отчаянно хотел заполучить картину, особенно если на ней была изображена не она.

Когда холодный воздух приблизился, у него не было времени на размышления. Веер в его руках с громким щелчком закрылся, и он выставил его вперед, блокируя длинные ногти, направленные на него. Повернув руку, другая сторона веера превратилась в лезвие, и легким движением он срезал длинные, плесневелые ногти, словно тонкие бамбуковые палочки.

— Аaaa!!!

Призрак, словно почувствовав боль, вскрикнул и отдернул руку, на которой были срезаны ногти. Он внимательно посмотрел на неё, и ногти начали расти с невероятной скоростью. Затем он снова бросился на Сы Хуая.

Тело Сы Хуая, хотя и было сделано из глины, за несколько дней стало довольно гибким. Он мгновенно уклонился в сторону, поднял веер и заблокировал руку, которая за мгновение превратилась в сухую, как гнилая кость. Другой рукой, пока призрак ещё не пришел в себя, он быстро выхватил свиток, который она так крепко держала, и точно бросил его на Ян Чанцина.

Собравшиеся в доме практикующие наконец подросли. Возможно, они усердно молились о том, чтобы всё прошло гладко, но если бы они опоздали ещё на мгновение, битва уже закончилась бы.

Прокомментировав это про себя, Сы Хуай без лишних слов отправил безоружного ученого и, похоже, уже оцепеневший дух барышни Мэй к ним. Затем он перепрыгнул через них и оказался позади неё.

Правой рукой он закрыл веер, а левой уже достал из рукава костяную флейту, которая увеличилась до шести дюймов. Слегка постучав ею по щеке, он насмешливо сказал:

— Уродина, ты ведь хотела меня сожрать? Ну иди же сюда!

<http://bllate.org/book/16805/1545785>